

Творчество великого русского писателя Василия Белова вызывало, вызывает и будет вызывать взаимоисключающие оценки. В их основе лежит разное отношение к крестьянскому и традиционно-русскому миру вообще. Произведения Белова – лучший проявитель космополитического и национального самосознания любого человека. Но прежде всего – журналиста, критика, литературоведа, преподавателя вуза, учителя школы, кинорежиссера, актера и т.д. Именно творческая интеллигенция во многом определяет отношение общества к любому писателю. А это, как говорил В. Распутин, страшно-вато. И вот почему.

В свое время Федор Тютчев написал: «Не поймет и не заметит / Гордый взгляд иноплеменный, / Что сквозит и тайно светит / В наготе твоей смиренной». Однако религиозно-духовно-культурными иноплеменниками Тютчева были и многие его соплеменники-современники. Одно-го из них, Герцена, Достоевский назвал эмигрантом от рождения.

В конце XIX века «люди без отечества» (как точно определил себя и своих единомышленников-западников В. Белинский) являли преобладающий тип интеллигента. Это дало повод А. Чехову называть всю интеллигенцию «слизняками и мокрицами» и характеризовать ее соответственно: «вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция «...», которая не патриотична, уныла, бесцветна «...», которая брюзжит и отрицает все...».

Ситуация с интеллигенцией не изменилась и в дальнейшем. Вот как увидел ее в 1999 году В. Распутин. Он в своем вологодском выступлении, в частности, сказал: «Я завидую тем городам, которые не могут назвать себя интеллигентными,

а у нас город интеллигентный, интеллигенции у нас много и от этого страшно-вато. Так вот, Иркутск, это такой город, который талантлив на интеллигенцию – космополитическую, разумеется, потому что национальная интеллигенция всегда в меньшинстве».

В. Распутин точно определил соотношение национальной и космополитической интеллигенции в разные эпохи. Поэтому все те многочисленные нелепости, дикости, которые говорились и говорятся в адрес Белова авторами-космополитами, воспринимаются как неизбежная, ожидаемая закономерность. Так, либеральные журналисты, критики, литературоведы последних десятилетий в разговоре о творчестве и личности Белова делают обязательный упор на том, что писателю якобы не хватало образованности, культуры.

«Университетским всезнайкам из интернационалистов» (как их называл Белов), «профессоршкам» (как их величал В. Розанов) и прочей либерально-космополитической пишущей братии Белов, по сути, адресовал следующий вопрос: «А как мне было поступить в университет без аттестата?». И сам на него в два подхода ответил: «Намертво закрыты дороги были, у нас даже паспортов не было, куда денешься? «...» Все-таки положение крестьян было в мое время почти что крепостное»; «Вот я получил лишь семилетнее образование поначалу, а куда я с ним мог пойти из деревни? Вот стал я счетоводом в колхозе. «...» Ушел с этой работы в школу ФЗО. Это был мой побег из колхоза. Нас было пятеро у матери. Мы со старшим братом сами дом достроили отцовский «...». В армии четыре почти года, а потом уже Литературный институт».

Не менее важно знать «всезнайкам» и то, на

что обратил внимание Ю. Селезнев еще в начале 1980-х годов: «В библиотеке Белова тысячи не просто прочитанных, но проработанных томов классиков отечественной и мировой литературы, современных писателей, русских и зарубежных историков, известных и малоизвестных философов, труды по искусству, устному народному творчеству, языкознанию, филологии, этнографии, сельскому хозяйству, экономике, экологии, архитектуре, жизнеописания, мемуары, словари, старые, новые и новейшие журналы...».

В этом образовательном контексте не лишним будет вспомнить и свидетельство доктора филологических наук, профессора В. Баракова: «Его эрудиция и острый ум поражали меня. Так, я долгое время считал, что хорошо знаю русскую философию – не один год сидел в Ленинке, методично штудирюя тома наших мыслителей... Как бы не так! Василий Иванович сразил меня наповал такими именами, о которых я и не подозревал».

Для тех, кто до сих пор повторяет миф о недостаточной образованности Белова, приведу отрывок из его письма к известному интеллектуалу В. Кожину: «Мысль о преимущественно книжной культуре России сама по себе спорна и дает простор демагогии. Нет, братец. Живопись и вокзал, как ты говоришь, не уступали на Руси книжности, как, впрочем, и в Италии. Архитектура – та тоже не уступала... Ты же прекрасно это знаешь!»

Насчет специфики русского образного мышления вы с Ерохиным тоже подзапутались. Откуда взяли вы незавершенность у Пушкина или у Глинки. Бесперывность я принимаю, но не незавершенность, да еще нарочитую! Уволь! Тут у вас черт знает что наговорено. И уж совсем смешно выглядит на основе этой мысли утверждение, по поводу разрушения памятников во имя разрушения статуарности. Во-первых, само по себе нелепое предположение. Во-вторых, памятников в России было так много (в одной Вологде до революции действовало 85 церквей), что снос... Да что тут говорить. «Известно, – толкует

твой собеседник, – что в Москве во второй половине XVIII века было разрушено больше памятников русского зодчества, чем за два последующих столетия...»

За это, извини меня, уже бьют морду... Это ложь и провокация, а ты подпеваешь».

И еще: о главной проблеме образования, становления ребенка, юноши, молодого человека сказал сам Белов: «Важнее всего в мире, наверное, нравственная сторона дела. Пусть у меня не было аттестата, пусть не было классического образования, а нравственное воспитание я, думаю, сумел получить. И от земляков своих, и особенно от своей матери Анфисы Ивановны. Это навсегда уже осталось во мне».

По словам Белова, к писательству его подтолкнуло желание быть заступником бесправного крестьянства. Это чувство, думаю, объединяет всех авторов деревенской прозы (к ней, я, конечно, не отношу, как многие, А. Солженицына и «позднего» В. Астафьева).

Ф. Абрамов еще в 1968 году (имея в виду себя и исключенного из Союза писателей Солженицына) сделал дневниковую запись, в которой писательство как служение народу осмысливается с сиюминутно-вечных позиций. По мнению Абрамова, выступить в защиту Солженицына легко, ибо требуется мужество на час (этим и займется, как точно предположил писатель, интеллигенция). Но чтобы быть защитником народа в литературе, необходимо мужество на всю жизнь. И таким мужеством обладали все авторы деревенской прозы с их народоцентризмом, всегда ненавидимым и дискредитируемым космополитической интеллигенцией.

В. Белов говорил, что ему стыдно за свое писательство. Стыдно потому, что, будучи столяром, плотником и т.д., посвятил себя профессии, в которой «приходится выступать в роли учителя». Отсюда особая требовательность к себе как к человеку греховному, не соответствующему идеалу «Учителя».

Слово «стыд» очень часто встречается в самооценках В. Белова, в характеристиках героев

его произведений, в разной степени нравственно созвучных автору. «Стыд» в мире писателя – это реакция богоподобной сущности человека на тварно-греховные мысли, эмоции, поступки, это чувственно-поведенческая реализация вести от Бога на уровне автора и его героев.

Если Д. Самойлов считал, что его жизненные слабости, его греховность – единственное условие, позволяющее ему профессионально состояться, то В. Белова стыдился своих грехов и их – через литературные персонажи и авторскую позицию – как норму или достоинство не утверждал.

В беседе с В. Бондаренко Белов, ссылаясь на Ф. Тютчева, называет стыдливость не просто чертой русского человека, но и говорит о ее божественной природе. Себя же Василий Иванович характеризует так: «А я – русский человек и на самом деле многого стыжусь».

Прежде чем вслед за Беловым перечислять его «грехи», напомним, что самокритичность – порой чрезмерная и беспочвенная – еще одна черта русского человека, на которую обращали внимание Ф. Достоевский, М. Пришвин, В. Кожинов и другие авторы. Итак, Белов стыдился и своего долгого атеизма, и того, что под влиянием цензуры корежил свои произведения, и работы в ЦК КПСС в горбачевское время, и не встречи с Б. Шергиным...

Стыд и стеснительность у Белова – часто общающиеся сосуды, чувства, которые отделить друг от друга непросто или невозможно. Так, не встречу с Шергиным Василий Иванович объяснил своей стеснительностью. Обращаясь к В. Бондаренко, Белов говорит, думаю, не только о себе, но и довольно распространенном типе русского человека допостсоветского времени: «Я все время собирался сходить к нему (Шергину. – Ю. П.). А стеснялся. Представь себе стеснялся. «...» Вся жизнь стеснительный был. Меня кто хвалит, а я стесняюсь. Вот иду на выставку Ильи Глазунова, а он издали увидел меня «...» и кричит, вот идет такой-то гениальный Белов. А мне хоть сквозь землю провалиться. «...» Хоть с вы-

ставки убегай. Вот и Шергину стыдно было мне как-то помешать, позвонить, сходить к нему со своими разговорами».

И закономерно, что своих духовно живых героев Белов – через авторские характеристики, внутренние монологи, речь персонажей – обязательно маркирует такими понятиями, как «стыд», «стеснительность», «совесть». Приведу некоторые примеры из «Привычного дела»: «Иван Африканович спал на поленьях: постеснялся даже подложить под голову старый больничный тулуп»; «Катерина, словно стыдясь своей улыбки, застенчиво сказала...»; «Больно она у нас совестливая»; «Стыдно, конечно, было бродить, как вор, от людей по кустам прячешься»; «Забыл надеть шапку и с великим стыдом, качая головой, вышел на крыльцо. Ему было до того неловко, совестно, что уши долго еще горели»; «Записали мои стожонки... Стыд. На всю округу ославили».

При всей своей природной крестьянской стеснительности Белов был дерзким писателем. Сам Василий Иванович это прекрасно осознавал: «Дерзость везде нужна <...> Стесняться можно в быту. А в деле своем, если хочешь сделать что-то настоящее, если замахнулся на громадное, обязательно надо быть дерзким. Вот я и дерзил, как мог».

Творческая дерзость писателя не находила и не находит понимания у космополитической интеллигенции. Л. Ошанин, руководитель семинара, на котором учился Белов в Литературном институте, назвал стихи Василия Ивановича «кулацкими». А. Бочаров, профессор МГУ, уже в 1970-е годы с удивлением сообщает, что «существуют, оказывается, такие люди», как распутинская Анна, беловский Иван Африканович, носовский Савоня. А дальше – больше: «Но как должно быть страшно поверить в их реальность, принять их реальность, примириться с этой реальностью!» Кульминацией научных изысканий профессора является сравнение коровы Рогули с Иваном Африкановичем. По сути, солидаризируются с А. Бочаровым Н. Лейдерман и М. Липовецкий, авторы вузовского учебника XXI века

«Современная русская литература: 1950 – 1990 годы». Они прочитали повесть Белова так: «В сущности, весь сюжет «Привычного дела» представляет собой драматическую историю личности, горько расплачивающейся за «нутряное» существование, за зыбкость своей жизненной позиции...».

«Левые» авторы видели и видят в Иване Африкановиче человека с доличностным сознанием, недочеловека, интересы которого дальше деревенской околицы не простираются... Напомню им: всю войну Иван Африканович находился на передовой, в пехоте, на всех фронтах, «сквозь него шесть пуль прошло». Помимо ордена Славы, у Дрынова есть и орден Красной Звезды, и другие награды (о них, со слов Екатерины, говорится без уточнений). О многом свидетельствует и тот факт, что под Смоленском Иван Африканович возглавлял группу, которая была направлена в тыл немцам взорвать мост и взять языка.

Иван Африканович — это вечный тип совестливого амбивалентного русского человека, о котором Вадим Кожинов еще в 1968 году точно сказал: «Герой Белова несколько не “лучше” людей, сформированных иными условиями: он только — в силу самого своего образа жизни — обладает единством бытия и сознания — единством практической, мыслительной, нравственной и эстетической жизнедеятельности».

И еще: «Привычное дело» — это прежде всего повесть о любви, поэтичной, глубокой, настоящей, стыдливой, стеснительной, горячей... Любви между мужчиной и женщиной, любви к детям, дому, природе, животному миру, малой Родине посвящены лучшие страницы произведения. И, конечно, Игорь Золотусский прав: «Привычное дело» — «христианская повесть». И в этом, видимо, проявилась самая большая дерзость начинающего писателя.

В «Плотничьих рассказах» Василий Белов одним из первых в литературе 60-х годов разрушает советские представления о «бедняках», «кулаках», «коллективизации». Именно из «Плотничьих

рассказов» выросла грандиозная эпопея Белова «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой» — самое дерзкое произведение писателя.

Трилогия Белова — это гениальное художественное полотно, в котором предельно объективно изображается трагедия, судьба русского крестьянства в XX веке. Более того, это лучшее произведение о коллективизации в отечественной литературе минувшего столетия.

В романе-эпопее Белов мастерски показал, что Сталин, Бухарин, Калинин, Яковлев, Меерсон и другие разноуровневые представители власти (за редким исключением) ненавидят крестьянство. И коллективизацию — политически реализованную ненависть — Белов изображает, в отличие от предшественников и современников, как величайшее преступление XX века, как величайшую трагедию народа. Это видение реализуется и через судьбы десятков героев, и через авторские характеристики. Уже в своей публицистике Белов сравнит коллективизацию с геноцидом.

В то время, когда разные диссиденты — от Андрея Сахарова до Андрея Синявского — ратовали за «социализм с человеческим лицом», конвергенцию, свободу слова, права человека, права национальный и сексуальных меньшинств и тому подобное, Василий Белов, как и члены ВСХСОН, видел корни проблем в другом. В «Канунах» (через уста Прозорова — одного из наиболее созвучных автору героев) Белов транслирует мысль о примитивности, абсурдности главных постулатов марксизма-ленинизма и называет факторы (национальный, религиозный, семейный), играющие большую роль, чем классовые противоречия.

А. Солженицын, В. Астафьев и либеральные авторы ставили и ставят в вину Белову факты его комсомольско-партийной биографии и этим объясняли и объясняют якобы просчеты и неудачи творчества писателя.

Во-первых, сторонники такого формально-примитивного подхода напоминают большевиков, так как сущность человека, значение творчества определяют должностью, партийностью... Если руководствоваться данной «методо-

Василий Шукшин и Василий Белов

логией», то тогда сразу нужно поставить крест на произведениях сотен коммунистов с многолетним стажем, лауреатов Сталинской, Ленинской, Государственной и иных премий. Начать можно с А. Твардовского, А. Рыбакова, Ю. Трифонова, А. Вознесенского, Б. Окуджавы... Вообще же Василий Иванович, «вечный член бюро обкома» (В. Астафьев), сделал и для своих земляков, и для всей страны гораздо больше, чем многие партийные и беспартийные балаболы и «чистюли»...

Во-вторых, в отличие от либеральных кумиров (Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского и многих других), в творчестве Белова нет прославления Ленина, Сталина, Дзержинского, Менжинского, Шмидта, комиссара Когана и просто «комиссаров в пыльных шлемах» и т.д.; нет под-

мены традиционных ценностей, утверждения антихристианских идей и многого другого. Творчество Белова боговдохновенно и православно по своей сути.

В. Распутин еще в 2002 году емко и точно выразил главную особенность личности и творчества одно из лучших писателей второй половины XX века: «Писательство для Василия Белова — это заступничество за народ перед сильными мира сего и против подлых этого мира. Все, что написано Василием Ивановичем от «Привычного дела» до «Канунов» и от детских рассказов до публицистики последнего десятилетия, от первой книжки стихов и воспоминаний о Шукшине и Гаврилине, с которыми он был очень дружен, — все в воспитание, остережение и защиту своего народа». ■